

ЛАУРЕАТЫ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ

Сдумой о Родине

Вот уже пять лет шумит своими раскидистыми кронами леоновский «Русский лес». Пять

лет мы дружим с «лесным депутатом», Иваном Вихровым, с его строгой и требовательной дочкой Полей, со стремительным и жадным до правды Морщиным. Пять лет прошло с тех пор, как два обнажил перед нами свое дряхленое естество блистательный Александр Яковлевич Грацианский, и насколько сильнее в борьбе с такими, как он, стали мы после того, как заглянули в его испуганную, мстительную душонку.

Пять лет — небольшой срок, но уже сейчас видно, как глубоко ушли в почву нашего общественного бытия корни «Русского леса», какой живительной оказалась его строгая и пламенная поэзия.

Как и все написанное Леоновым, «Русский лес» прежде всего поражает громадой сосредоточенного и умного труда, в него вложенного. Когда мысленно останавливаешься у подножия этого грандиозного создания и пытаешься единым взглядом охватить всю его многосложную структуру, яснее понимаешь то определение одной из функций художника, какое выдвинул Леонов еще в «Дороге на океан». Тогда он сказал, что художник начинается с жадности к овладению миром путем создания его двойника.

Именно такой «двойник мира» и воссоздан в «Русском лесе». Перед нами не отдельные, хотя бы и существенные, грани действительности, а именно мир, охваченный единой и целеустремленной художественной концепцией, мир, воссозданный в динамике его борений, исторических катаклизмов, героических свершений, в напряженной пестроте шумов, красок, света и теней.

В критике не раз уже с изумлением говорилось об изощренной сложности композиции романа. Автор «Вора» и «Дороги на океан» — произведений, в которых тема также развивалась через множество обертонов, вариаций, неожиданных и контрастных сопоставлений. — Леонов на этот раз достиг особой углубленности мастерства. Его роман глубоко эшелонирован и во времени, и в пространстве. На его страницах шумит не только русский лес, стонущий под топором кулака Кнышева, а как бы вся русская жизнь, взятая во многих существенных и выразительных исторических сдвигах и переменах последнего пятидесятилетия.

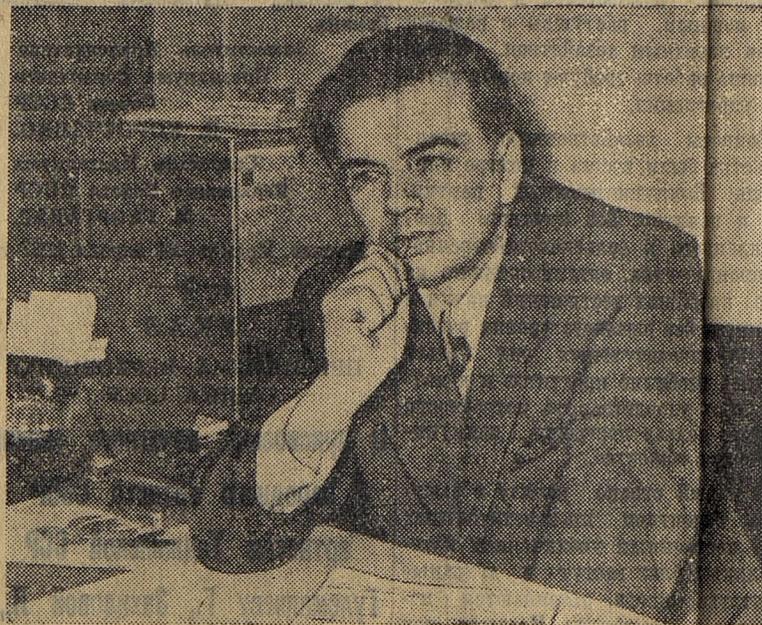
Но, разумеется, в тех границах, какие определялись главной идейной концепцией романа. Как бы ни был широк мир, увиденный Леоновым через «магический кристалл» его замысла, все же охват жизненного материала обуславливался именно потребностями этого замысла. Чтобы выразить его во всей полноте, Леонов должен был спуститься в заповедный овражек дряхлого Калины и подняться на трибуну Ленинского мавзолея в студеное ноябрьское утро 1941 года; он должен был дать своему читателю побывать на программной лекции профессора Вихрова и заглянуть в пропахший полдюжины кабинет жандармского полковника Чандвецкого как раз в минуту фатального грехопадения Сашеньки Грацианского. Затянувшаяся до поры в великом своем горе дореволюционная русская деревня и московские паровозные мастерские, из которых выходит на бой с фашизмом собранный в неурочные часы бронепоезд; самодовольное благополучие квартиры respectableнейшего профессора Санкт-Петербургской духовной академии, и низенькие комнатки в Пашутинском лесничестве, где начинает Вихров свою битву за русский лес; заснеженная лесная дорога, по которой пробирается семнадцатилетняя разведчица Поля Вихрова, и по юношески угловатый, кое в чем даже наивный спор между стариком Вихровым и его приемным сыном Сергеем у копии Афродиты Милосской — все это не просто разные аспекты мира, возникшего перед нами по воле художника, но и разные ступени в осуществлении его идейного замысла.

Чтобы понять этот замысел, читателю романа необходимо до конца понять художественную логику леоновского языка. Языка не в узко лингвистическом смысле, а шире, включая в это понятие всю совокупность изобразительных средств, используемых Леоновым. Автор «Русского леса» обладает удивительной способностью почти осязаемо овеществлять все свои, даже наиболее сложные художественные представления. Его письмо на редкость подробно, разнообразно по краскам и вместе с тем предметно, вечно. Леонов одинаково изощренно точно и слышит, и видит. Картины действительности возникают поэту из-под его пера так, как будто бы они и впрямь обладают независимой от их автора подлинностью, и как будто бы ничего неувиденного и непознанного уже не осталось там, куда упал взор писателя.

Но он никогда при этом не удовлетворяется ролью послушного зеркала жизни, хотя бы и самого точного. Леонов необычайно активен как художник. Он не оставляет созданные им картины мира без своего личного вмешательства, он всегда тут, рядом со своими героями. Слыша их, мы в то же время слышим и голос их создателя, то кипящий патетикой, то расклеванный яростной иронией и сарказмом. Леонов непрерывно ищет возможности прорваться сквозь плотную, многослойную, сочную ткань своего повествования, дабы не только логикой возникающих перед читателями картин, а и своей собственной оценкой, комментарием, подчас подкаской многократно умножить интеллектуальную активность читателей.

А романы и пьесы Леонова всегда прежде всего рассчитаны именно на обостренную интеллектуальную активность читателя. Они всегда — поле острой идейных столкновений, трибуна, с которой художник пламенно бросает в жизнь свои философские истины. В «Русском лесе» эта интеллектуальная энергия выражена особенно открыто. В романе почти нет страниц, которые несли бы чисто жанровую или пейзажную функцию. Все прокалено сквозной авторской мыслью. И ка-

многое в нем становится понятным по-новому. Еще в «Барсуках» перед Леоновым возникла томительно безрадостная картина нищеты, обманутой и разоренной капиталистическим городом деревни. Возникла для того, чтобы привести читателя романа через неизбежное крушение бессмысленного мужицкого бунта к утверждению нового взаимопонимания между городом и деревней, основанного на принципах революционной, социалистической смелости. В этом же романе Леонов впервые начал и свой спор с робкой, бессильной «поэзией» кроткого примирения со злом и несвершенством жизни, спор, который пройдет потом через многие его произведения. В тихом житии нет заслуты — эта мысль, знакомая читателям многих произведений Леонова, впервые зазвучала именно в «Барсуках». По-новому, сосредоточенно и убежденно Леонов вернется к ней и в «Соти», и в «Скутаревском», и в «Дороге на океан», и в «Половчанских садах». Именно в этот период из-под его пера возникнет прекрасное в своей афористической законченности определение человеческой жизни: «полет — вот естественное состояние человека, все остальное — лишь кощунственное отступление от нормы».

Л. М. Леонов.

Фото А. ТРОШИНА.

жется, не только герои романа, а и сами пейзажные зарисовки страстно включаются в идейную битву, в тот спор правды и кривды, чести и бесчестия, патристической самоотверженности и зоологического себялюбия, которые получают свое наиболее целостное выражение в столкновении Вихрова и Грацианского. Когда под топором Кнышева умирает осыпанная розовым снегом красавица-сосна, или когда в песчаное лонце лесного родничка, облюбованного Иваном Вихровым, похабно вонзается барственная трость Грацианского, природа живет вместе с героями романа, и голоса ее сливаются с тем торжествующим голосом правды, проводником которой выступает в романе Иван Вихров.

Тут мы подходим к одной из важнейших художественных особенностей романа. Горький в свое время говорил, что реалистическое изображение жизни может в иных случаях возвышаться до символов.

Именно так и обстоит дело в «Русском лесе». Жизненная конкретность изображения подчинена в романе другой, высшей художественной цели. За развертывающимися перед нами бытовыми и психологическими столкновениями всегда настойчиво и властно проступает их обобщающий, часто именно символический смысл. Так, когда Вихров и Грацианский встречаются около лесного родничка, не просто тоненькая струйка своенравно пульсирующей воды разделяет их. Для Вихрова в этом родничке то таинственное и прекрасное проявление сокровенной жизни матери-земли, постычь которую в интересах народа — его главная цель. И Грацианский тоже по-своему понимает это. Поэтому-то так судорожно и играют на его лице невысказанные, злые чувства, потому-то с таким ёрническим изумлением и наносит он своей тростью удар в самое сердце родника.

Нам кажется, что в этой маленькой сценке, занимающей едва ли две с половиной страницы, как в фокусе, сосредоточен весь замысел романа. А этот замысел в свою очередь органически срашен со всеми прежними, многолетними творческими поисками писателя. «Русский лес» — не просто выходящая (пока!) точка писательского развития Леонова, но и обобщение всех его предыдущих исканий. Сюда сходятся все пути, по которым шли герои его романов и пьес, и когда оглядываешься сейчас с вышки «Русского леса» на все прежнее творчество писателя,

отступничеством и примиренчеством со злом. Суд беспощадный, ожесточенно прямолинейный во всех своих этических определениях, не знающий снисхождения и извинительных оговорок.

Недаром в одной из ранних пьес Леонова было сказано, что, когда молодость «теряет свою жестоковатинку», она «старает». Непримириемость — черта, объединяющая всех любимых героев Леонова. Она одинаково присутствует и в характеристике Скутаревского, и в образе Увадьева, и в отношении Павла к ошибкам своего брата Семена, и в той беспощадности, с которой старики Талановы воспримут преступление своего сына, и в моральной неподкупности отца и сына Непряхиных, и, конечно, в самоотверженной нравственной чистоте Ивана и Поли Вихровых.

Вместе с тем, понимая социалистическую революцию, как грандиозную, всемирно-историческую битву за Человека, Леонов должен был во весь рост показать и то, какому чудовищному извращению и надругательству подвергался человек в старом мире. Оттуда вылезли на страницы его романов и пьес зловещие фигуры ревнителей старины и защитников мракобесия, все эти сломанные истории и тем более яростно замахивающиеся на одолевающую их новь опасные и злые пигмеи духа, в борьбе с которыми прокладывает себе дорогу в будущее советский народ.

Так складывается распределение сил и в «Русском лесе». Борьба, кипящая на страницах этого романа, идет не только вокруг лесных массивов России. На самом деле смысл ее неизмеримо важнее и глубже. Вихров и Грацианский — ученые-лесоводы. Их споры — споры внутри одной из специальных областей природоведения. Но в то же время они далеко переключаются свои специфические научные рамки и распространяются на всю полноту тех отношений, в которых находится человек и мир в нашем советском обществе. Если поэтому внимательно вслушаться в голоса, взволнованно и напряженно звучащие в романе, если попытаться объединить в одном выводе смысл всех побед и разочарований, исканий и поражений, прошедших перед нами на его страницах, станет виден и тот основной родничок, из которого берет начало порожистая и полночная, по многим руслам растекающаяся река романа.

Нет, не о лесе только спорят герои Леонова. Спор идет у них о самой жизни, об ответственности перед родной землей, к которой Грацианский и Чердылов присваиваются, как паразиты, а Вихров и Валерий Крайнов служат, как сыновья.

Эту идею служения Родине Леонов проводит через множество сюжетных тем и образных воплощений. Она одинаково раскрывается и в научном подвиге старика Вихрова, и в героическом труде, которому отдается на переднем крае фронта его дочь Поля. Ибо и там, на полях войны, перед Полей стоит тот же враг, борьбе с которым посвятил свою жизнь ее отец. Ведь на войне Поля и Сергей сражаются за то же высокое, святое дело, за которое бился ее отец, — за жизнь, творчески преобразуемую во имя счастья миллионов. Именно покушением на жизнь нашего народа было фашистское нападение в 1941 году. У Леонова эта мысль прозвучала впервые еще в «Ленушке». Бой с фашизмом означал для героев этой пьесы бой за торжество жизни на Земле, за свободное и радостное раскрытие всех ее творческих сил.

В «Русском лесе» эта идея вернулась к нам по-новому обогащенной и содержательной. Герои романа неизменно ощущают свою слитность с землей, их породившей. Они и Она — одно нераздельное целое. Недаром лес, которому всей своей жизнью служил Иван Вихров, с такой заботливой лаской принимает в свои недра маленькую Полю, когда она отправляется в свою героическую прогулку по вражеским тылам. Так же, как Ленушку Мамаеву, русский лес тоже заботливо обнимает Полю лущистыми лапами своих ветвей, услужливо развертывает перед нею снежно-белые ковры своих дорог.

Привыкнув понимать писателя с полуслова, мы и на этот раз легко угадываем высокий человеческий смысл этой прекрасной поэтической картины. Да, человек, всей своей жизнью послуживший Родине, в ней же находит и награду своему подвигу!

И нет награды выше, чем эта. ...Леонов знает это и на опыте своей собственной творческой жизни. Родина щедро вознаградила своего писателя. Леониду Леонову присуждена премия имени Ленина, и в этом торжественном акте выражено всенародное признание высокой общественной пользы его писательского труда.

Через все свое творчество он пронес взволнованную и трепетную думу о Родине, о ее счастье, о ее будущем. И народ с благодарностью принял эту думу в свое щедрое и огромное, как вечность, сердце.

Е. СУРКОВ.